

УДК 94(470+571)"1700/1850":343.24

Система наказаний за нарушение законодательства об охране лесов от самовольных порубок в России в XVIII – первой половине XIX в.

М.О. Тяпкин

Барнаульский юридический институт МВД России, ул. Чкалова 49, Барнаул, Россия
tyapkin@rambler.ru

Статья поступила 16.12.2016, принята 27.02.2017

Рассматривается эволюция системы уголовных наказаний за самовольную порубку леса в России на протяжении XVIII — первой половины XIX в. Самовольная порубка была самым распространенным видом нарушения законодательства об охране лесов. Формирование системы наказаний началось в первой четверти XVIII в. Нормы, устанавливавшие наказания, содержались в основном в Лесном уставе и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.). В рассматриваемый период основным видом наказания за самовольную порубку леса являлся штраф. После проведения судебной реформы 1864 г. система наказаний за нарушения законодательства об охране лесов была изменена.

Ключевые слова: юридическая ответственность; самовольная порубка леса; лесное уголовное право; Лесной устав; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.); штраф; лесная такса.

System of punishments for legislation violation in the sphere of forest conservation from unauthorized fellings in the 18th – the first half of the 19th century

М.О. Tyapkin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 49, Chkalova St., Barnaul, Russia

tyapkin@rambler.ru

Received 16.12.2016, accepted 27.02.2017

The evolution of the system of criminal penalties for an unauthorized wood felling throughout 18th – the first half of the 19th century is considered. The unauthorized felling was the most widespread type of legislation violation in the sphere of forest conservation. The formation of punishment system began in the first quarter of the 18th century. In 1845 the rules, establishing punishments, were generally kept in the Forest Charter and the Code about Criminal and Corrective Punishments. Throughout the considered period, the main type of punishment for an unauthorized wood felling was the fine. After the judicial reform in 1864, the system of penalties for forest protection legislation violations has been changed.

Key words: legal responsibility; unauthorized wood felling; forest criminal law; Forest Charter; Code about Criminal and Corrective Punishments of 1845; fine; forest tax.

На сегодняшний день борьба с самовольными порубками является одним из приоритетных направлений обеспечения экологической безопасности. Для успешной борь-

бы с этим социальным злом огромное значение имеют анализ, учет и использование отечественного исторического опыта. В рамках данной статьи мы рассмотрим содержа-

ние и трансформацию системы наказаний за нарушения законодательства об охране лесов от самовольных порубок с момента ее зарождения в начале XVIII в. до проведения судебной реформы 1864 г. и принятия Учреждения судебных установлений.

Актуальность и научная значимость заявленной темы заключаются в том, что система наказаний за лесонарушения являлась отражением взглядов правительства на роль лесов в государственном хозяйственном механизме. Юридическая ответственность за нарушение требований лесоохранного законодательства является одной из важнейших правовых форм реализации государственной лесной политики. Анализ системы наказаний в динамике поможет более отчетливо и полно представить содержание государственной лесной политики и ее эволюцию. Заявленная тема рассматривается с использованием широкого круга исторических и историко-правовых исследований, а также законодательных исторических источников.

С правовой точки зрения юридическая ответственность предполагает наложение на лицо, совершившее противоправный поступок, наказания, тяжесть и вид которого зависят от субъективного и объективного состава преступления. Наказание относится к мерам государственного принуждения и представляет установленное законом воздействие в отношении лица, совершившего противоправное деяние, в виде наступления неблагоприятных для него последствий (лишение или ограничение определенных прав и свобод). Налагая определенное наказание, государство преследует две главнейшие задачи: охранительно-восстановительную, обеспечивая защиту и восстановление нарушенного права, и воспитательную (психологическую), формируя мотивацию не совершать подобных противоправных действий.

Формального определения самовольной порубки уголовное право Российской империи не знало. В справочных изданиях термином «порубка» обозначалась именно «самовольная, без разрешения, вырубка леса, кража его с пня» [1, с. 402]. С точки зрения содержательного анализа это преступное деяние можно определить как не санкционированное владельцем (государством, частным лицом, общиной и т. д.) пользование

лесными материалами в виде похищения (или покушения на похищение) из леса растущих деревьев, их частей или валежника. Единственным исключением была вынужденная рубка дерева под влиянием объективных обстоятельств, например, поломки в пути и необходимости ремонта. Самовольные порубки являлись наиболее распространенным видом нарушения лесоохранного законодательства, что дало основание Н.И. Фалееву утверждать, что «история русского лесного уголовного права есть, в сущности, история самовольных порубок» [2, с. 279]. Самовольная порубка леса как институт лесного уголовного права сформировалась в результате криминализации вольного неограниченного лесопользования в начале XVIII в. Запрет на самовольное пользование ценными лесами, пригодными для корабельного строения, являлся частью новой государственной политики Петра I по повышению обороноспособности страны.

Система наказаний за нарушение лесохранных законов начала формироваться в первой четверти XVIII в. одновременно с появлением указов об организации управления лесами. В предшествующий период нормы охранительного характера, определявшие наказание за нарушение установленных в законе запретов, касались защиты интересов собственника от незаконных посягательств на его имущество, в том числе лесное, без каких-либо отличий от других видов собственности [3, с. 19]. Петр I, ставивший во главу угла интересы государства, определил строгую юридическую ответственность за самовольную рубку ценного корабельного леса, рассматривая ее не как нарушение имущественных прав лесовладельца, а как покушение на государственные интересы. По справедливому замечанию Э.Г. Истоминой, лесное законодательство первой четверти XVIII в. было нацелено на «изъятие из свободного обращения лесов, пригодных для кораблестроения (независимо от их принадлежности), организацию их эксплуатации и охраны» [4, с. 37].

Одними из первых законодательных установлений Петра I, в которых содержались санкционные нормы за лесонарушения, стали указы 1703-го и 1705-го гг., которые запретили рубку на хозяйственные нужды

ценных пород деревьев, пригодных для кораблестроения. Наказаниями за нарушение запрета являлись смертная казнь, ссылка на каторгу за обнаруженный дубовый валежник и штраф — по 10 р. за каждое дерево [5]. Позже эта норма была скорректирована, и до 1724 г. действовало правило, по которому за рубку заповедного леса в первый раз назначался штраф в размере 30 р., во второй раз конфисковалась 1/3 доля всего движимого и недвижимого имущества, в третий — следовала полная конфискация имущества, битье кнутом и ссылка на галеры сроком до 20 лет [6, с. 110].

Для оповещения населения о введении запретов и размере наказания за их нарушение указы вывешивались на специально установленных столбах близ лесных дорог и в селениях, а также рассылались священникам с предписанием «по вся воскресные дни приходским людям читать, чтобы в том неведением никто не отговаривался» [7]. Выявление виновных в нарушении запретов и их преследование являлось обязанностью надзирателей, а с 1722 г. — вальдмейстеров, назначаемых из дворян. Среди основных задач вальдмейстеров и их помощников было «смотрение» за тем, чтобы рубилось то, что предписано, клеймить лес, предназначенный к отпуску, вести книги о количестве отпущенных сортиментов и размере штрафов, осматривать массивы зимой и по вскрытии рек и, в случае выявления самовольных порубок, «чинить суд и расправу», взыскивая с виновных штрафы [8, с. 17]. «Штрафные» деньги поступали в доход государства, а не лесовладельца. После временного упразднения в декабре 1726 г. вальдмейстерской службы все штрафы и недоимки по ним были отменены.

Одним из своих последних лесных указов в ноябре 1724 г. Петр I повелел смягчить наказание и установить штраф в размере 5 р. за каждый пень самовольно срубленного дерева (дуб, клен, вяз, ясень, корабельная сосна), из которых 2 р. поступали в казну, а 3 р. — открывшему порубку надзирателю; часть «штрафных» денег казна обращала на жалование служащих вальдмейстерской канцелярии. В соответствии с обервальдмейстерской инструкцией надзиратели и вальдмейстеры несли ответственность

за незаконное разрешение рубки наравне с порубщиками, но в 1724 г. эта норма была изменена: виновные в преступлении или потворстве порубщикам заповедных лесов наказывались вырезанием ноздрей и ссылкой на каторгу [9].

Меры запретительного и карательного характера периодически трансформировались, прежде всего, под влиянием народных хозяйственных и правовых обычаев и устоявшейся традиции свободного лесопользования. Объективные условия заставляли императора «изменять свои строгие кары и путем сепаратных указов то разрешать порубки, то уменьшать наказания за них» [2, с. 280]. Необходимо также учитывать, что чрезмерная жестокость указов компенсировалась, по сложившейся в России традиции, необязательностью или невозможностью их исполнения. Н.М. Зобов писал, что при Петре I, несмотря на существовавшую правовую норму о смертной казни, «вероятно, никто не был казнен за порубку дуба» [10, с. 81].

Анна Иоанновна восстановила многие положения петровского законодательства, поэтому в период ее правления санкции за рубку, совершенную в заповедных лесных массивах, оставались весьма существенными. Инструкция о сбережении, рубке и заготовлении лесов на построение флота и Манифест о сбережении и употреблении корабельных лесов, подписанные Анной Иоанновной в один день, 11 мая 1732 г., предусматривали за рубку заповедных лесов или годных на корабельное строение деревьев наложение штрафа в размере 10 р. за дерево. За самовольную порубку, совершенную во второй раз, размер взыскания увеличивался в четыре раза (40 р. за дерево). За рецидив преступления предусматривалась санкция в виде битья кнутом и отправки на каторжные работы сроком 10 лет [11]. Во всех случаях срубленные деревья конфисковались в казну. В качестве наказания за пользование заповедным лесом законодатель предусматривал обязанность порубщика сплавить незаконно вырубленный лес к местам, определенным Адмиралтейств-коллегией, за свой счет. После восстановления вальдмейстерской службы в 1730 г. была возвращена практика направления части взысканных с лесонарушителей денег в виде вознагражде-

ния лесным служителям. В некоторых случаях предусматривалась выдача хлебного жалования надзирателям за счет собранных штрафных денег [12].

Законодательство этого периода не отличалось целостностью и системностью. Указы дублировали друг друга, запрещения периодически устанавливались, но, вследствие слабого надзора, практически не исполнялись. Н.В. Шелгунов, оценивая правотворческую и правоприменительную практику первой половины XVIII в., писал, что «излишняя строгость запрещения рубки таких пород, которые крестьяне привыкли рубить свободно, должна была казаться народу довольно странной; народ не понимал, для чего запрещают ему рубить такие деревья, которых в лесах не только еще слишком много, но которые даже и само правительство не рубит для своих потребностей» [13, с. 97]. Лица, рубившие чужой (с правовой точки зрения) лес, оправдывались общественным мнением, поскольку «народ не считал нарушением частного права собственности порубку чужого леса» [14, с. 50]. Население и даже администрация низового уровня не выполняли требований закона и не выдавали нарушителей вальдмейстерам, не позволяя налагать на них штрафы и применять другие наказания.

Начиная с середины XVIII в. наблюдается тенденция к либерализации отношений в сфере лесопользования и лесоохраны и снижению тяжести наказаний за нарушение лесоохранительных законов. Появляется практика сложения наказаний за самовольные порубки в связи с какими-либо торжественными событиями общегосударственного масштаба, что подтверждалось изданием соответствующих манифестов. Санкции за нарушение лесоохранного законодательства в период просвещенного абсолютизма, оставаясь довольно суровыми, были более гуманны по сравнению с предшествующим временем. Особое внимание уделялось охране дубовых лесов, поэтому в случае обнаружения порубки дуба за каждое срубленное дерево ответственных за охрану должностных лиц сельской администрации — сотников, пятидесятников и десятников подвергали телесному наказанию и штрафу.

В связи с начавшимся в период правления Екатерины II генеральным межеванием земель возникла необходимость регламентировать отношения, возникавшие по поводу использования и охраны лесов, оказавшихся в пределах отводимых земельных наделов. В частности, в 1765 г. была принята норма, по которой за самовольную рубку леса на участках, предназначенных для заселения иностранными колонистами, устанавливалось особое наказание. За массовую рубку виновный должен был уплатить штраф в размере десятикратной стоимости древесины, которая рассчитывалась от местной продажной цены. Рубка отдельных деревьев также наказывалась штрафом от 10 коп. до 1 р., в зависимости от качества [15]. Штрафные суммы делились на две равные половины, одна из которых поступала в будущий поселенческий капитал, а другая отдавалась лицу, открывшему преступление.

В соответствии с указом Екатерины II от 3 апреля 1781 г., установившим три рода уголовного имущественного преступления (воровства) — «воровство грабеж», «воровство кража», «воровство мошенничество», — самовольная порубка относилась к категории «воровство кража» [16]. Указ назначал наказание за подобного рода правонарушения, если ущерб от них был не ниже 5 и не выше 20 р., в виде направления в рабочий дом, «где ему работать, дожде заплатит то, что украл и шесть процентов выше того тому, у кого украл» [17]. Рецидив преступления добавлял к наказанию битье плетью и обязанность выплатить деньги в пользу рабочего дома. Повторение кражи в четвертый раз, равно и с большим, чем 20 р., ущербом, грозило преступнику судебным разбирательством и более серьезным наказанием.

Павел I вернул в правовую практику применение жестких мер к самовольным порубщикам. Подобной мерой правительство пыталось остановить истребление лесов, которое наблюдалось практически повсеместно. В конце XVIII в. была принята серия нормативных актов, устанавливавших новые принципы управления лесной отраслью, а также уточнявших размер и вид наказаний за лесонарушения.

За самовольную порубку с ущербом менее 20 р. виновный наказывался штрафом в

размере двойной стоимости древесины, за повторное нарушение — четверной. Существенным новшеством было то, что сумму ущерба должны были определять представители лесной администрации «по мере и родам срубленных деревьев» на основании разработанной Адмиралтейств-коллегией и утвержденной императором в 1799 г. штрафной таксы [18]. К примеру, стоимость соснового бревна при разрешенной рубке, в зависимости от длины, диаметра, а также удаленности лесного участка от сплавных рек, колебалась от 20 коп. до 2 р. 40 коп. Штрафные суммы, в зависимости от оговоренных выше условий, были в два или четыре раза больше. С 1816 г. в основу определения попенных и штрафных сумм за самовольные порубки была положена не таксовая стоимость леса, а его цена, определяемая обер-форстмейстером при продаже леса [19]. Практика показала, что обер-форстмейстеры определяли размеры взысканий достаточно произвольно, и сумма штрафа в разных местностях за одно и то же нарушение могла отличаться в десятки раз.

Самовольная порубка леса с суммой ущерба более 20 р., а также с меньшим ущербом, но совершенная в третий раз, приравнивалась к «воровству краже» и наказывалась плетью и отдачей виновных в рекруты, а негодных к воинской службе — ссылкой в Сибирь на поселение [20]. В 1833 г. Сенат несколько уточнил порядок определения наказания. За третью и четвертую порубку с размером ущерба до 20 р. виновный мог отсылаться в рабочий дом, на казенные лесные работы «для зарабатывания толика-гож числа штрафных денег, на сколько порубил леса» [21].

Суды слишком конкретно понимали норму указа и «отдавали в солдаты за самую незначительную порубку, даже за одно деревцо» [13, с. 277]. Прямое следование букве закона, согласно которому порубщики ссылались в Сибирь или отдавались в рекруты, грозило разорением целым деревням. Отдача крестьян-порубщиков в рекруты проходила без зачета, поэтому помещик нес дополнительные убытки в связи с потерей рабочей силы. В связи с этим губернаторы стремились не наказывать целые деревни, а, наоборот, ходатайствовали о прощении по-

рубщиков и взимании с них одного только денежного штрафа. Нарушители, которые не имели возможности выплатить штрафы, отсылались в ведение форстмейстеров, а затем направлялись на лесные работы. С 1802 г. стала действовать норма, по которой в случае несостоятельности порубщика штраф взыскивался по принципу круговой поруки, со всего селения, в котором он проживал. Обязательство по выплате в казну попенных денег за самовольную порубку, совершенную крепостным крестьянином, по решению суда могло быть возложено на помещика. На невыплаченные взыскания налагалась пеня в размере 1 % в месяц от суммы недоимки. Объем недоимок рос год от года, а губернаторы были обязаны ежегодно отчитываться перед императором о мерах, предпринимаемых к их сокращению.

После принятия первого Лесного устава 1802 г. и изменения механизма управления лесным хозяйством была предпринята попытка модернизировать схему преследования лесонарушений и привести ее к единообразию.

Нормы, определявшие порядок вынесения наказания за лесонарушения, применялись выборочно, в зависимости от местных условий. В отдельных регионах империи, считавшихся многолесными (Сибирь, Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская, Пермская губернии), наказания за самовольную порубку или переруб либо были значительно мягче, либо вовсе не налагались [22]. Губернские уголовные палаты допускали неодинаковую практику при наложении штрафов за совершенные крестьянами самовольные порубки. Существовало два подхода: взыскание одних лишь попенных денег (стоимость срубленного леса) либо в совокупности со штрафными суммами. Это разногласие было преодолено после разъяснения Сената, смысл которого сводился к тому, что на крестьян, совершивших самовольную порубку из примежеванных к их селениям дач с целью использования древесины для домашних нужд, но не на продажу, налагались лишь штрафы «за самовольство». К штрафным суммам прибавлялась стоимость срубленного леса лишь в тех случаях, если лес был срублен на продажу либо теми крестьянами, которые не имели права

пользоваться этим лесом [23]. Другими словами, если крестьянин срубил лес не на продажу, а на собственные нужды, да еще и из той дачи, из которой ему мог быть отведен лесной надел, то наказанием был один штраф за порубку, без компенсации стоимости срубленного леса.

Производство следствия по делам о лесонарушениях возлагалось на земскую полицию, которая работала чрезвычайно медленно, «а дела о незначительных порубках и вовсе не начинались лесными чинами» [13, с. 279]. Преследование порубок значительно усложнялось активным сопротивлением со стороны крестьян, которые «нередко отбивали пойманных надзирателями порубщиков силой и даже грозили зрителям побоями» [13, с. 228]. Земским судам давались предписания оказывать всяческое содействие должностным лицам, ведущим дела о лесонарушениях, а также рассматривать подобные дела безотлагательно. Контроль за деятельностью судебных учреждений возлагался на губернаторов. Форстмейстеры получили право «по всем касающимся до самовольных порубок делам», представляя и защищая интересы казны, участвовать в судебных заседаниях, получать копии приговоров, а также обжаловать судебные решения [24]. Эта норма долго приживалась в правоприменительной деятельности, и даже спустя несколько десятилетий судебные учреждения позволяли себе решать дела о нанесенном казенным лесам ущербе, не ставя в известность о принятых решениях представителей лесной администрации.

С 1814 г. был изменен порядок производства следствия по делам о самовольных порубках [25]. При рассмотрении в Сенате данного вопроса было выяснено, что лесные смотрители, назначаемые из местных крестьян, поймав порубщика казенного леса, взыскивали с него деньги, не докладывая форстмейстеру. В то же время, форстмейстеры, не желая обременять себя излишними заботами, оставляли без внимания дела о мелких лесонарушениях.

В качестве эксперимента в 1812 г. упрощенный порядок расследования нарушений Лесного устава был введен в нескольких губерниях Европейской России, а затем, по инициативе Департамента государственных

имуществов, распространен на остальные местности империи. Основным мотивом введения упрощенного порядка разбора дел о лесонарушениях стало желание освободить лесных чиновников от участия в следствии и судебном разбирательстве. Практики прекрасно понимали, что если все дела о незначительных лесонарушениях предоставлять в уездные суды, то «в производстве и окончании оных, равно во взыскании по оным денег и в самом решении будет чрезвычайная медленность и остановка, и количество таковых дел, кои бы могли кончиться в нижней инстанции, до того будет простираться, что трудно будет при всех попечениях лесных чиновников успеть в скорейшем оных окончании, и что попенные деньги своевременно поступать в лесной доход не могут, а должны оставаться невзысканными до решения дела» [26].

Фактически все дела о лесонарушениях были разделены на две категории. Малозначительные дела могли решаться лесными чиновниками и полицией в административном порядке судебного решения, если сумма ущерба не превышала 20 р. на одного человека. Форстмейстер определял ущерб и попенную стоимость лесных материалов, а представитель земской полиции взыскивал эту сумму и штрафные деньги с нарушителя. Нововведение заключалось в том, что форстмейстерам было разрешено проводить следствие без привлечения членов земского суда, только лишь в присутствии волостного головы.

Вторая категория — это дела с большей суммой ущерба, по которым велось следствие и судебное рассмотрение в уездном суде. Для рассмотрения дел о крупных «самовольствах» оставался прежний порядок, который предусматривал обязательное привлечение земской полиции.

Однако в 1827 г. последовало мнение Государственного совета, в котором высшие сановники усмотрели в таком порядке опасность злоупотреблений со стороны лесничих, когда «лесной чиновник, охранитель лесов, долженствующий преследовать зло, сам будет исследовать оное» [27]. Решено было действие указа 1814 г. отменить, лишить лесных чиновников права самостоятельно, без участия земской полиции, про-

водить следствие о порубках, оставив за ними право совместно с волостными головами проводить исчисление убытков от совершенных лесонарушений [26]. Судебное решение, вне зависимости от размера ущерба, выносилось уездным судом. Частые изменения правоприменительного механизма приводили к несогласованности действий лесных чиновников и местной администрации. Ситуация зачастую требовала вмешательства верховной власти с разъяснениями порядка преследования лесонарушений.

Для борьбы с самовольными порубками правительство нередко шло на экстраординарные меры. При Николае I самовольная рубка казенных лесов, сопровождавшаяся «буйственным сопротивлением» порубщиков лесной страже, была приравнена к бунту и рассматривалась военным судом [28]. Неуплата штрафа в течение двух недель грозила виновному в самовольной порубке корабельных лесов отдачей в солдаты или отправкой на поселение [29]. Однако ужесточение наказаний за самовольные порубки не позволило правительству решить проблему несанкционированного лесопользования.

Дальнейшее развитие и совершенствование системы наказаний за лесонарушения потребовало систематизации лесного уголовного права, особенностью которого являлось то, что его нормы были «разбросаны» между отдельными нормативными актами. Первый Лесной устав 1802 г. не содержал норм, предусматривавших ответственность за лесонарушения. В уставе издания 1842 г. и последующих появилась пятая книга «О взысканиях и наказаниях за нарушение лесных законов», состоявшая из двух разделов: «О проступках, преступлениях, взысканиях и наказаниях по лесной части» и «О судопроизводстве по делам о лесных порубках, пожарах и других нарушениях лесных законов». Статьи устава не имели самостоятельного значения, представляя собой компиляцию действующего законодательства, поэтому их содержание менялось в зависимости от изменения норм уголовного, гражданского и процессуального права.

Несмотря на то, что устав не был лишен недостатков, положительным эффектом от его принятия стала унификация порядка

преследования самовольных порубок и наложения взыскания за них.

Порубки, совершенные в частновладельческих и казенных лесных дачах, стали преследоваться на одинаковых основаниях. Помещики получили право определять сумму ущерба от совершенной в их лесах самовольной порубки на основании казенных штрафных такс [30].

Самовольная порубка наказывалась в зависимости от объема и ценности вырубленного леса, а также личности совершившего преступление и условий его совершения. Порубщик был обязан компенсировать владельцу попенную (для строевого леса) или посаженную (для дровяного) стоимость срубленных деревьев. Выплата компенсации давала возможность порубщику оставить лес у себя. Если же у нарушителя не было средств для уплаты попенной или посаженной стоимости, то лесные материалы еще до вынесения судебного решения выставлялись на торги по таксовой стоимости, а вырученные на них средства поступали владельцу.

Выплата стоимости срубленного леса не освобождала нарушителя от ответственности. Если порубка была совершена в первый раз, то сумма штрафа равнялась двойной стоимости срубленного леса. При рецидиве преступления наказание увеличивалось: за вторую порубку штраф составлял четверную стоимость похищенных лесных материалов, за третье преступление к денежному взысканию добавлялась отправка в рабочий дом. Каждое последующее нарушение лесоохранного законодательства приравнивалось к общеуголовным преступлениям («воровство кража») и наказывалось на общих основаниях. Если же срубленный лес был употреблен на домашние нужды, то попенная стоимость не выплачивалась, а наказание ограничивалось штрафом и взысканием 10 % от стоимости леса. Последняя мера применялась также во всех случаях, когда были зафиксированы отступления от порядка рубки по билетам на законных основаниях.

Наказания за рубку особо ценных корабельных лесов традиционно оставались более суровы. В случае неуплаты в двухнедельный срок определенного судом штрафа порубщику грозила отдача в рекруты или

ссылка на поселение. Устав также устанавливал конкретные размеры стоимости некоторых видов деревьев для определения размеров взыскания за их рубку.

В соответствии с уставом полесовщики (общественная лесная стража) получали право на вознаграждение за поимку порубщиков в размере 1/15 части с причитающейся в казну штрафной суммы. Если же речь шла о поимке нарушителя в казенных лесах, приписанных к промыслам, заводам и фабрикам, то право на вознаграждение в размере половины штрафа, но не более 7 р. 50 коп. серебром, получали любые лица, обнаружившие порубку, задержавшие нарушителя или доказавшие его вину. С 1849 г. это правило было распространено на все казенные леса [32].

Одновременно была установлена ответственность полесовщиков за «разрешение кому-либо вырубки леса» в виде телесного наказания и взыскания попенной стоимости вырубленного леса (или ее половины, если лес не был вывезен). Для полесовщика, как и для порубщика, предусматривалась возможность, в случае несостоятельности, переложить бремя выплаты штрафа на все сельское общество, в котором он проживал.

В Лесном уставе 1842 г. было подтверждено действие указа 1827 г., по которому следствие по делам о лесонарушениях велось совместно земской полицией, лесными чиновниками и волостными головами. Размер ущерба определялся лесничим и сообщался в земский суд. После окончания следствия начиналась стадия судебного разбирательства дела. Подсудность определялась в зависимости от состояния, т. е. сословной принадлежности и места жительства подсудимого.

Уездные суды должны были направлять в палаты государственных имуществ копии приговоров и сами уголовные дела о лесонарушениях для рассмотрения по существу вынесенного приговора. Решение уездного суда (суда первой степени) вступало в силу, только если палата государственных имуществ соглашалась с судебным решением. В случае несогласия с приговором палата имела право направить в вышестоящую судебную инстанцию (уголовную палату) апелляционную жалобу. Первоначально был установлен двухнедельный срок пода-

чи жалобы, но с 1844 г., по решению Государственного совета, он был увеличен до одного месяца [32].

Уголовная палата по рассмотрении дела составляла определение, копия которого направлялась в губернскую палату государственных имуществ для оценки эффективности и полноты мер, предпринятых к защите государственных имущественных интересов. Определение уголовной палаты также направлялось губернатору на утверждение. В случае несогласия с решением уголовной палаты ему же направлялся отзыв палаты государственных имуществ.

Палата государственных имуществ, соглашаясь с решением уголовной палаты, брала на себя определенную ответственность, поскольку министерство государственных имуществ имело право рассматривать решенные дела о лесонарушениях и выявлять отступления от закона. В этом случае возмещение ущерба, нанесенного казенному имуществу, возлагалось на палату как инстанцию, допустившую реализацию незаконного судебного решения.

Высшей судебной инстанцией, в которой могло быть окончательно, без участия представителей министерства государственных имуществ, рассмотрено дело о лесонарушениях, являлся Сенат. Туда направлялись дела в тех случаях, когда в них фигурировало определенное количество порубщиков, а также если с решением уголовной палаты не согласится палата государственных имуществ или губернатор.

Дела о нарушениях, совершенных в лесах, принадлежащих казенным крестьянам, велись в соответствии с Сельским судебным уставом для государственных крестьян (1839 г.). Отличием от общей процедуры являлось то, что к ведению следствия и разбору дел подключалась волостная и сельская администрация в лице сельской расправы, сельского старшины, волостной расправы и волостного правления.

Точно так же в лесах, принадлежащих или находящихся в ведении различных учреждений, определенная роль на всех стадиях рассмотрения дела о лесонарушении отводилась представителям администрации этих ведомств (правление округа корабельных лесов, заводская контора, горный на-

чальник, заводской исправник, удельная контора и т. д.).

После принятия и до вступления в силу Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (с 1 мая 1846 г.) был издан указ от 27 марта 1846 г. «О правилах для замены наказаний, присужденных на основании действующих ныне законов уголовных, наказаниями по новому Уложению», согласно которому все дела о самовольных порубках, по которым не было исполнено судебное решение, рассматривались на основании нового уголовного закона [33].

Изменения общероссийского уголовного законодательства отразились на структуре и содержании пятой книги Лесного устава, вошедшего в Свод законов Российской империи 1857-го года издания. Внешняя сторона не изменилась, однако в тексте статей пятой книги устава (преимущественно в первом разделе) появились ссылки на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, что помогло упорядочить и модернизировать систему лесоохранных норм.

По сравнению с редакцией устава 1842-го года, в последующей появились новые составы лесонарушений: укрывательство заведомо похищенного леса, сопротивление лесной страже, продажа бесплатно полученного от казны леса и др. Был более четко обозначен порядок секвестра самовольно вырубленного леса и его реализации с торгов.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных содержало IX главу «О нарушениях уставов о казенных лесах», состоящую из отделений: первое — «О наказаниях и взысканиях за похищение и самовольную порубку казенного леса» (ст. 941–952), второе — «О наказаниях и взысканиях за повреждение лесов, самовольную сидку в лесах смолы и дегтя, повреждения деревьев и другие нарушения правил Лесного устава» (ст. 953–975), третье — «О особых наказаниях и взысканиях за похищение, порубку и повреждение лесов корабельных» (ст. 976–984), четвертое — «О наказаниях и взысканиях за преступления и проступки лесных чинов и служителей» (ст. 985–1006) [34].

Содержание указанных статей в последующие годы подвергалось неоднократным редакциям, уточнявшим некоторые санкции, смягчавшие наказание или декримина-

лизовавшие некоторые проступки. После принятия в 1863 г. «Правил о взысканиях и наказаниях за нарушение Уставов о казенных лесах» санкции статей Уложения 1845-го года были значительно смягчены, а наказания стали ограничиваться, преимущественно, денежными штрафами [35].

Процессуальный порядок рассмотрения дел о лесонарушениях не подвергся существенным изменениям. Вместе с тем, были расширены полномочия палат государственных имуществ, которые получили право наблюдать «за ходом в присутственных местах дел» и настаивать «на скорейшем их решении» (ст. 1 595). Палате были даны права обращаться к начальнику губернии «о побуждении судебных мест к ускорению рассмотрения и разрешения дел» (ст. 1 595).

На основании Уложения о наказаниях 1845-го года (ст. 994) за упущения в ведении следствия по делам о самовольных порубках могли быть привлечены к ответственности — как материальной, так и дисциплинарной — полицейские и лесные чиновники. В 1860 г. норма была уточнена: если в двухмесячный срок лесным чиновником или членом земского суда не были произведены необходимые следственные действия, в результате чего виновные в лесонарушении не были обнаружены, на них возлагалась обязанность возместить ущерб в порядке солидарной ответственности [36].

Таким образом, система уголовных наказаний за нарушение законов об охране лесов от самовольных порубок на протяжении рассматриваемого периода демонстрирует значительную эволюцию. Являясь частью государственной лесной политики, она развивалась в рамках административно-полицейской, судебной и уголовно-исполнительной системы Российской империи.

Лесоохранные нормы менялись в зависимости от социально-экономических и политических перемен, происходивших в стране, отражая менявшееся отношение правительства к лесным ресурсам. Первоначально основным способом борьбы с самовольными порубками стало максимальное ужесточение наказаний, доведение их до крайних пределов. Однако правоприменительная практика показала, что неразвитость систе-

мы лесоуправления и лесоохраны, а также особенности народного восприятия леса как объекта собственности не позволяют решить проблему самовольных рубок путем ужесточения санкций. Постепенно основным видом наказания за самовольную порубку стал денежный штраф, а телесные наказания применялись лишь по отношению к рецидивистам или при наличии иных отягчающих обстоятельств.

Сложившаяся к середине XIX в. система преследования лесонарушений была модернизирована после проведения судебной реформы. Однако основная проблема лесоохранного законодательства, его казуистичность и разрозненность, так и не была преодолена на протяжении всего дореволюционного периода.

Литература

1. Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898. 588 с.
2. Фалеев Н.И. Лесное право. М., 1912. 360 с.
3. Черных В.В. Лесоохранительная политика России в допетровский период // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4 (51). С. 15-21.
4. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII - начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34-51.
5. О рубке леса на сани, телеги, оси, полозья и обручи без особенного позволения: именной указ // Полн. собр. законов Рос. империи (ПСЗРИ). Собр.1. Т. 4, № 2017.
6. Дивов П. Краткое руководство к сбережению и поправлению лесов в Российском государстве. СПб., 1809. 231 с.
7. О хранении заповедных лесов: инструкция, данная из Адмиралтейской коллегии лесным надзирателям // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 6, № 3967.
8. Тяпкин М.О. Реализация функции государства по охране лесов в дореволюционный период. Барнаул, 2016. 187 с.
9. О штрафах и наказаниях за потворство в рубке заповедных лесов: именной указ, в дополнение обер-вальдмейстерской инструкции // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 7, № 4594.
10. Зобов Н.М. Петр Великий как первый лесовод в России // Лесной журнал. 1872. № 2. С. 78-85.
11. О сбережении, рубке и заготовлении лесов на построение флота: инструкция // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 8, № 6048.
12. О выдаче хлебного жалования надзирающим за лесами в Ингерманландии служителям из Санкт-Петербургских магазинов на счет штрафных за порубку лесов денег: сенатский указ // Полн. Собр. Законов Рос. Империи. Собр.1. Т. 9, № 6903.
13. Шелгунов Н.В. История русского лесного законодательства. СПб., 1857. 378 с.
14. Ведров С.В. О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878. 224 с.
15. О обмежевании земель под население иностранных колонистов: именной указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 17, № 12519.
16. О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях: именной, данный Сенату, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 21, № 15147.
17. Высочайше утвержденное положение о рабочем доме в Санкт-Петербурге // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 14. Отд. 1, № 11931.
18. О взыскании штрафных денег за самовольную порубку лесов по всем губерниям, кроме Курляндской: высочайше утвержденная записка Адмиралтейской коллегии // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 25, № 19085.
19. О взыскании попенных и штрафных денег за самовольно вырубаемые леса, противу цен, обер-форстмейстерами возвышаемых: сенатский, по мнению Государственного совета, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 33, № 26194.
20. О наказаниях за смертоубийство, воровство, грабеж и воровство кражу: именной, данный Сенату, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 25, № 19059.
21. О взыскании штрафных денег с самовольных порубщиков казенных лесов за первую и вторую порубки, ценою свыше 20 рублей: сенатский указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 8. Отд. 1, № 6121.
22. О непроизводении с казенных крестьян в губерниях, изобилующих лесом, никакого взыскания за излишнюю порубку лесов, отпускаемых им на домашнее употребление: высочайше утвержденное положение Комитета министров // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 4, № 3293.
23. О взыскании штрафных денег за самовольную порубку казенных лесов: сенатский указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр.1. Т. 32, № 25208.
24. О допущении обер-форстмейстеров иметь хождение по делам, производящимся в присутственных местах, о самовольной порубке лесов:

сенатский указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 26, № 19734.

25. О производении следствий по порубкам лесов лесным чиновникам с волостными головами, и о назначении денежного награждения лесным смотрителям за поимку порубщиков: сенатский, в следствие положения Комитета министров, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 32, № 25751.

26. О предоставлении судебному рассмотрению дел о самовольных порубках казенных лесов, по коим следствия произведены после состояния указа 10 мая 1827 года: сенатский указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 3, № 1962.

27. О непроизводстве лесным чиновникам следствий о пожарах, в казенных лесах случающихся, без членов земской полиции: высочайше утвержденное мнение Государственного совета // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 2, № 995.

28. О том, в каких случаях следует предавать военному суду порубщиков казенных лесов: именной, объявленной Сенату министром государственных имуществ, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 28. Отд. 1, № 27398.

29. О распространении существующих о корчемниках постановлений на порубщиков казенных лесов в корабельных рощах: именной, данный Сенату, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 2, № 1304.

30. О мерах взыскания за порубку леса, принадлежащего частным лицам: сенатский, по высочайше утвержденному мнению Государствен-

ного совета, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 1. Т. 40, № 30395.

31. О выдаче наград поимщикам порубщиков казенных лесов: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 24. Отд. 1, № 23030.

32. О сроке для подачи апелляционных отзывов на решения уездных судов по делам о лесных порубках: высочайше утвержденное мнение Государственного совета // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 19. Отд. 1, № 18510.

33. О правилах для замены наказаний, присужденных на основании действующих ныне законов уголовных, наказаниями по новому Уложению: именной, данный Сенату, указ // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 21. Отд. 1, № 19880.

34. Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 20. Отд. 1, № 19283.

35. Высочайше утвержденные правила о взысканиях и наказаниях за нарушение уставов о казенных лесах, составленные в изменение 10 главы VII раздела Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1, № 39464.

36. О дополнении постановлений, касательно взыскания за несвоевременное производство следствия по лесоистреблению: высочайше утвержденное мнение Государственного совета // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 35. Отд. 1, № 35921.